

ТОЛПА

Нет более ничтожного, глупого, презренного, жалкого, себялюбивого, злопамятного, завистливого и неблагодарного животного, чем толпа. Она — величайший трус, ибо боится самой себя.

Уильям Гэзлит

У меня есть папка с надписью «Уроки Уильяма Сарояна». Сопровождая великого писателя в его поездке по Советскому Союзу и Армении, я заодно готовил материалы для «Литературной газеты». Чтобы не растерять бумажки с записями, я и собирал их в специальной папке, которую сохранил. С годами все чаще и чаще вспоминаю не столько Сарояна-писателя, сколько Сарояна-учителя. Запоминал и записывал его мысли, советы. При этом никогда в его присутствии не хватался за карандаш. В конце 1976 года в «Литературной газете» вышел диалог с Сарояном, и месяца через три материал этот был перепечатан на английском в журнале «Советская литература». Вскоре я узнал, что редактор этого издания отправил два экземпляра журнала во Фресно (Калифорния) Сарояну. Спустя два года варпет вновь приехал в Армению на празднование 150-летия вхождения Восточной Армении в Россию. Я встретил его в Риге. В первый же день Сароян, улучив момент, похвалил меня за хорошую память, ибо, по его мнению, в диалоге с ним очень четко были переданы в «Советской литературе» его мысли и отдельные высказывания. Я ответил ему, что, хотя на память не жалею, однако имею привычку писать, что называется, по свежим следам, оставляясь наедине с самим собой, переносить на бумагу запавшие в душу и сердце мысли, слова, эпизоды. И добавил при этом: привычку эту я приобрел и даже воспитал в себе давно, но вот сделал из нее неизменный принцип, следя за тем, как в прошлый свой приезд сам Сароян непрерывно, даже на людях, делал записи на случайных листках бумаги, даже на салфетках за столом. Он громко засмеялся и сказал: «Никогда не знал, что у Сарояна можно чему-нибудь научиться». Конечно, Сароян,

по-своему, был прав. Научиться писать, пожалуй, невозможно. Но вот использовать в своей жизни чужой опыт, думаю, нужно, особенно когда речь идет о том, чтобы впитывать в себя мудрость гения. На одной и той же странице блокнота я записал две мысли, высказанные Сарояном. Первая запись: «Разговор зашел о таком явлении, как «толпа», и Сароян сказал, сославшись на неизвестного мне то ли писателя, то ли философа: «Если поставить овцу на задние ноги, то все равно из нее не получится человек. Но если в это положение поставить стадо овец, то получится толпа людей». Вторая запись: «Не знаю в связи с чем, но несколько раз зашел разговор о власти. Точнее, об отношении писателя к власти. Сароян свой длинный монолог начал с себя: «У меня есть свой неизменный принцип: не подчинять себя никому, но и себе никому не подчинять».

Спустя более четверти века с тех пор, как эти слова великого Сарояна напечатал шестимиллионным тиражом в «Литературной газете», я невольно подумал о том, как свежо звучат они нынче и как тесно переплетаются сегодня два эти понятия — «толпа» и «власть». Однако рассмотреть их хотелось бы раздельно. О том, чего мне стоило собирать материал для работы над этими заметками, одному Богу ведомо. Выяснилось, что темы «толпа» и «власть» волнуют и даже беспокоят человечество вот уже более 2500 лет. По крайней мере еще Пифагор, изучив «душу и тело» толпы, пришел к выводу, что «она есть не что иное, как человеческий род, впавший в ребячество». Это изречение великого древнегреческого философа и математика является, пожалуй, самой мягкой и самой безобидной характеристикой понятия «толпа».

Через пятьсот лет после Пифагора другой, не менее знаменитый, философ Сенека воскликнул: «Нет врага хуже, чем толпа». Современник Сенеки римский историк Тит Ливий был более конкретным: «Нет ничего презреннее, чем мнение толпы». Словом, на протяжении веков «омерзительное явление» (Монтень), каковым является толпа, изучали, как говорится, лучшие умы человечества. Причем изучали большую группу людей, не просто часть народа, а толпу как таковую. Многие, к примеру, считают, что толпа — это народ, буруемый страхом; толпа — это группа людей, объединенная страстным желанием видеть и слышать, как низвергают вчерашних кумиров. Исследовательница явления толпы английская писательница Маргарита Блессингтон писала: «Те, которые были

кумирами народа, в конце концов становятся его же жертвами, потому что толпа походит на детей, которые строят картонные домики ради удовольствия разрушить их одним дуновением». Есть «научное» определение сути и смысла толпы, которая, оказывается, является не столько арифметической суммой «слагаемых единиц» (индивидуумов), сколько дифференциальным диагнозом. При этом исследователи подчеркивают, что «каждая составляющая толпы», скажем проще, каждый, оказавшийся в толпе, может быть вполне здоровым человеком.

Один из лидеров одной из массовых в прошлом политических партий признался, что «строго критиковал» своего коллегу за то, что тот на митинге «корчил рожи» и кричал во все горло, «не выбирая выражений». Выразил удивление, что тот горе-оратор в обыденной своей жизни никогда не позволяет себе повышать голос, а уж тем более выражаться нецензурно. А тут словно его подменили. Но ничего удивительного здесь нет. Ученые объясняют такую метаморфозу «законом толпы». Французский психолог и лексикограф Пьер Буаст (XVIII—XIX вв.), хорошо изучивший «законы толпы», писал: «Люди, собравшиеся в толпе, уж будьте уверены, куда чаще побуждают друг друга к преступлению, нежели к делу достойному». И происходит это потому, что, по выражению философа Мишеля Монтеня, «в пылком порыве, охватившем толпу, гаснет разум отдельных людей». Один из лидеров другой партии пытался хоть как-то оправдать своего коллегу за то, что тот, стоя перед микрофоном, зная о том, что его слово будет тиражировано, что оно будет озвучено и за пределами республики, заявил, что готов отдать свой голос палачу собственного народа. Опустим то, что этот человек в первую голову оскорбляет «своего» кандидата в президенты. Ибо раз он готов отдать свой голос хоть за палача своего народа, то таким, значит, может быть и «свой» кандидат. Но лидер партии по-другому толкует этот неслыханный в истории Армении прецедент: «Вы же знаете, что на митинге всякое бывает. На митинге невозможно управлять собой». Он даже не подозревал, какую изрек сакраментальную истину. Правда, в этом «научном» изречении, пожалуй, можно сделать одну поправку. Слово «митинг» нужно было, наверное, заменить «толпой». Дело в том, что митинг в переводе с английского — это всего лишь собрание, встреча, на которых люди обмениваются мнениями. При большом стечении народа люди, как пра-

вило единомышленники, имеют и право, и возможность высказать свою точку зрения. Если же часть народа, не ведая об истинной цели и превращаясь в толпу, идет за вождем, то, как известно, вскоре она возненавидит новоявленных кумиров, а затем и саму себя.

Об этом много писали философы и исследователи. Древнеримский поэт и философ Публий Сир предупреждал: «Народ похож на толпу только внешне. Разница, по сути, в том, что у толпы нет памяти». Ему вторил русский поэт Роберт Рождественский: «Толпа, как больная природа, дрожит от неясных забот. По виду — частица народа. По сути — его антипод».

Я думал, что только у нас, у армян, можно встретить просто гениальную сцену: стоят пять-шесть человек. Мимо проходит какой-то чиновник. Кто-то из группы, не вынимая сигареты из рта, бросает в лицо чиновнику: «Куда спешишь? Остановись и поговори с народом!» Оказывается, такое встречается везде и всюду, даже в глубокой древности замечали, что каждый, кто собирал вокруг себя хоть самую что ни на есть крохотную толпу, полагал, что он говорит от имени народа. Как правило, в таких случаях озвучивается «или чушь, или нелепость, а подчас и самоцельное оскорбление». Не случайно английский философ и историк Томас Карнейль подчеркнул: «Никто не знает, как поступит толпа, тем более — она сама не знает».

Я, наверное, должен принести свои извинения читателям за столь обильное цитирование классиков. Однако вынужден признаться, что тема не только актуальная и острая, но и имеющая моральный аспект, хотя бы потому, что, как говорил Сомерсет Моэм, «абсолютное большинство в толпе — это истинные патриоты и порядочные люди, которые находятся в состоянии гипноза». Причем многие исследователи отмечают принципиальное различие между «состоянием гипноза» в случае, когда, скажем, на площади стоят сотни тысяч человек, которые под звуки марша «Вставай, страна огромная» призывают «вставать на смертный бой» против внешнего врага; и совсем другое, когда «рвущиеся к власти вожди революций используют толпу как оружие». Тот же Сомерсет Моэм, автор многих книг о «человеческих страстях» (один из его романов так и называется «Бремя страстей человеческих») пишет: «...Толпой, этим орудием вождей революции, движет не разум, а инстинкт. Она поддается гипнозу. И лозунгами ее можно довести до не-

истовства. Она единый организм и потому равнодушна к смерти в своих рядах. Она не ведает ни жалости, ни милосердия. Она с радостью разрушает, потому что, разрушая, осознает свою силу».

Современные исследователи обращают внимание и на то, что сегодня в условиях развитой сети средств массовой информации гипнотическое действие толпы распространяется подобно гриппу даже среди тех, кто не вливается в толпу. Английский драматург и публицист Уинстен Хью Оден писал: «Чтобы влиться в толпу, вовсе не обязательно выходить на улицу, достаточно, сидя дома, развернуть газету или включить телевизор». Именно поэтому Оден вывел свою знаменитую формулу: «В годы лихолетья мужчины должны быть в строю, а не в толпе».

Изучив довольно богатую, как выяснилось, литературу о таком непонятном явлении, как толпа, я пришел к выводу, что еще никто и никогда не привносил покой в свою страну, не сделал счастливым свой народ, придя к власти через толпу, которая, в конечном счете, представляет собой орудие заговора. Ведь ничего в этом удивительного нет. Более четырех веков назад испанский философ Бальтасар Грасиан писал: «Толпа, не ведая, что творит, создает себе кумира, чтобы потом, протрезвев, возненавидеть его». Спустя два века англичанин Уильям Гэзлит сказал на этот счет еще лаконичнее: «Толпа, ведомая вождем, его же ненавидит». О каком же покое и счастье может идти речь, если, как утверждал Мишель Монтень, «толпа, сама того не ведая, нуждается в том, чтобы ей внушали страх и благоговение»?

Работая над этими заметками, я обнаружил для себя, что «народ перерождается в толпу только для того, чтобы кого-то привести к власти» (Аристотель). И как выясняется, для этого «нужно, чтобы толпа выходила на улицы регулярно». Еще в конце XIX века основоположник сионизма, автор книги «Еврейское государство» Теодор Герцль, не скрывая тревоги, предупреждал: «Нет ничего опаснее перманентных митингов», которые по своей сути являются революцией. История хорошо знает, чем кончилась реализация идеи Маркса и Энгельса о перманентной революции. Они считали, что пролетариат может прийти к власти только с помощью перманентной, то бишь непрерывной, революции, главным орудием которой является не столько булыжник, сколько толпа. Знаменитые русские философы-веховцы считали, что власть вождей революции —

это, по сути, власть толпы, цитируя при этом французского литератора Франсуа Пажеса: «Толпа, дорвавшаяся до власти, — самый жестокий из тиранов».

Перед тем, как перейти к попытке раскрыть тему о власти, хотелось бы привести мысль, которая уникальна и бесценна уже тем, что она была произнесена мудрецом за семь веков до Рождества Христова: «Несчастлива та страна, где власть исходит не от народа, а от толпы». Об этом тоже я узнал от Уильяма Сарояна.